

УДК 398.21, 398.41, 81-21
DOI 10.17223/19988613/43/31

А.А. Ким-Малони, А.А. Ким

МАГИЧЕСКАЯ ОХОТА С ЛЕСНЫМИ ДУХАМИ ПО ДАННЫМ СИБИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Селькупский материал статьи был частично представлен на 11-й Международной конференции по обществам охотников и собирателей - CHAGS XI (сентябрь 7–11, 2015, Вена) и частично финансирован Национальным научным фондом США (the National Science Foundation travel grant PLR 1550260).

Предлагаемая статья посвящена междисциплинарному изучению сходных фольклорных сюжетов о магической охоте представителей трех аборигенных народов Сибири с лесными людьми-духами. Фольклор селькупов, хантов и кетов демонстрирует отсутствие четких границ между обыденностью и сверхъестественностью. Лесные духи воспринимались реальными партнерами по охоте и сексу. Сравнение сюжетов говорит о возможном общем источнике основной сюжетной линии и индивидуальных деталях фольклора отдельных этнических групп.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование; фольклор; лингвистика; этнография; аборигенные народы Сибири.

Современные гуманитарные науки ориентированы на междисциплинарные и сравнительно-сопоставительные исследования, которые часто связываются с определенным ареалом. Эти тенденции обеспечивают более достоверное объяснение культурных феноменов. Предлагаемая работа посвящена сравнительному междисциплинарному изучению сходных фольклорных сюжетов о магической охоте представителей трех народов обско-енисейского ареала – кетов, селькупов и хантов – со сверхъестественными существами, называемыми лесными людьми, или духами. Фольклор, этнографические и языковые данные этих трех народов неоднократно являлись объектом сопоставительного изучения [1–4].

Сюжеты об охоте являются центральными в обществах охотников, рыболовов и собирателей, коими являлись (и до сих пор отчасти являются) кеты, селькупы и ханты. Поскольку охота была основным обеспечением их жизнедеятельности, многие ее аспекты пронизаны ритуалами, романтикой и магией. Общая сюжетная линия магической охоты включает знакомство аборигенного охотника (мужчины или женщины) с человекообразным сверхъестественным существом – лесным мужчиной или лесной женщиной, затем их сожительство и в результате этого необыкновенное везенье в охоте. Эти истории, рассказанные часто о вполне конкретных людях (даже с указанием имен или фамилий), заканчиваются в основном печально: союз по разным причинам распадается, а охотничий фарт пропадает. Имеются варианты сюжетов, повествующие о смерти человека-охотника или его переход в сверхъестественный мир к своему сожителю-духу. Эти рассказы отличаются от сказок, так как воспринимаются как реальность.

В повествования о магической охоте вплетаются многие культурные элементы, представляющие интерес для этнографов: перед встречей лесная женщина устраивает охотнику испытания. У селькупов мужчина должен сделать семь костров из дров двух пород (пихтовых – мужских – для себя и еловых – женских – для

лесной женщины) и зажарить мясо белки, которое делит согласно селькупской традиции – переднюю часть для себя, заднюю часть для нее. В фольклоре кетов мясо делится на три части и лесной дух берет себе среднюю – реберную – часть. Это мясо охотник должен уберечь от зверей, и только тогда лесная женщина покажется. Далее могут следовать и другие испытания на хитрость, например, охотник должен проследить, чтобы под шубой-постелью не оказалось капкана. Проверяется терпение охотника – он лишь на третий день может взять связку соболей или белок, лежащих на земле. В селькупском фольклоре присутствуют элементы мифа о созидании животных. Когда лесная женщина расчесывает волосы, то вместо вшей с ее головы валяются в разные стороны белки и соболя [5. С. 199–201]. У хантов, манси и кетов лесные духи могут поселиться в доме людей-охотников в качестве «чудесного супруга», иногда даже второго, если до этого уже была семья [6. С. 449–450; 7. С. 135–137].

Самое большое количество вариантов сюжета о союзе людей с лесными духами мы находим у кетов. В кетском фольклоре присутствуют отличные от селькупов мифологические элементы: лесной дух-мужчина, *кайгусь*, обучает свою человеческую подругу всему ритуалу медвежьего праздника. Именно в кетском фольклоре рассказывается о происхождении лесного духа – *кайгуся*, сына медведя и женщины. В других сюжетах *кайгусь* – женщина, хозяйка пушных зверей в двух ипостасях – зверя (белки или соболя) и женщины, одетой в беличью или соболиную шубку. Имеются тексты, отражающие конфликт между родными и сверхъестественной партнершей охотника. В кетских текстах отец охотника, возмущенный молчанием жены сына – *Кайгусь*, прячет поварежку, в результате чего *Кайгусь* обжигает свои руки. У манси в роли обидчицы лесной женщины выступает первая жена охотника. Обиженные лесные женщины покидают людей, забирая удачу охотника [6. С. 449–450; 7. С. 131].

Как показывает аборигенный фольклор, лесные духи или люди обладают тройственной натурой: антропоморфной, зооморфной и сверхъестественной. Антропоморфные черты отражают внешний вид мужчины или женщины, человеческое поведение и деятельность. В селькупском фольклоре (Тым) лесная женщина предстает как высокая (на Оби, наоборот, рост у нее маленький) красавица с волосами до пят, в дорогих одеждах из меха. По данным из Тыма и Кёнги, лесная женщина носит на голове белый платок, а на ногах – белые чирки. Она ходит на лыжах, подбитых мехом, а на поясе подвешивает беличьи шкурки [5. С. 199]. Зооморфные черты проявляются в способности трансформаций в животных (белка, соболь, лось, олень) или в обладании отдельными зооморфными деталями, такими, как, например, звериный нюх, рожки, шерсть или звериные ноги. Наблюдаются тесные взаимоотношения между лесными людьми и необычными животными: у селькупов – с соболем с белой шеей, белкой с золотой лентой или пестрой белкой, маленькой черной собачкой, медведем, рассомахой. У хантов это соболь с желтым (золотым) кольцом на шее. У кетов это черный или пестрый соболь, пестрая белка, медведь. Эти животные выполняют функцию спутника и помощника лесного человека [5. С. 199; 6. С. 449–450; 7. С. 135–137]. Сверхъестественные черты включают способность быть невидимыми для людей, превращаться в животное, человека или духа; способность оживать человека, моментально перемещаться в пространстве, возможность внезапно исчезать, если эти существа видят, что за ними наблюдают люди; власть над животными; возможность наградить охотника удачей или отнять ее; вызвать смерть охотника. Рассказы о магической охоте романтизировали процесс добывания дичи, стирая границы между сверхъестественным и обыденным миром.

Лесные мужские или женские духи приобретают антропоморфные черты, становясь партнером по охоте и сексу для аборигенных народов, которые ищут свой охотничий фарт (в селькупском языке есть для этого термин *kijne*). Происходит взаимный обмен с людьми-охотниками: охотничий фарт предоставляется за партнерство и сексуальные услуги и может иметь разные формы: наличие дичи в больших количествах и ее легкая добыча, иногда охотнику нужно только подобрать дичь с тропы; сверхъестественные способности охотника и возможность понимания поведения животных и их языка. Охотники получают удачу в обмен на специфические обязательства, которые отражены в особом поведении, табу и ритуалах: жертвоприношения хозяину леса; содержание охотничьей амуниции подальше от женщин; запрет на употребление охотничьего ножа для домашних нужд; запрет собакам подходить к дичи; неразглашение охотничьих планов и избегание передачи охотничьего опыта устным путем. Селькупская традиция воспитания и передачи охотничьего мастерства основана на правиле «наблюдай молча и делай, как я, но по-

своему» [8. С. 87]. В селькупском и угорском фольклоре в отношении взаимобмена могут вовлекаться дети. Если в результате сожительства у женщины рождается ребёнок, то лесной человек забирает ребенка (возможно, с матерью).

В фольклоре кетов понятие «удача» не только связано с благоволением лесного человека-духа, но и маркируется той же лексемой – *Qajgu, s*. Так же, как и у селькупов, чтобы обеспечить охотничью удачу, охотнику нужно было выполнить все необходимые ритуалы и правила. Если люди что-то нарушали, то удача покидала их. Например, мужчина терял свою удачу, если его жена не соблюдала обряда очищений и была неаккуратна [9. С. 176]. В отличие от селькупского и угорского фольклора, в кетском фольклоре отражен конфликт между удачливым охотником и его братьями за привилегию обладать Кайгусь. Коварные братья убивают охотника, чтобы завладеть Кайгусь и приобрести удачу. Однако Кайгусь не дается в руки братьев, покидает жилище, а затем оживает своего супруга и уводит его в свой мир [Там же. С. 139].

Таким образом, охотничий фарт базируется на принципе взаимности (the principle of reciprocity), при этом вовлекаются две группы участников – охотников и сверхъестественных существ. Принцип взаимности описан как часть корейской идеологии 'kut' (кут) и понимается как «практика дарения и приобретения» или «дай и получи взаимно» [10. С. 8]. В отличие от корейской традиции, в описываемых культурах Сибири шаман как посредник исключается из взаимодействия.

Лингвистические данные вносят важные уточнения, например позволяют определить пол персонажей и их сверхъестественный статус. В селькупском и обско-угорских языках названия сверхъестественных существ строятся по единому принципу: лесной – ADJ/леса – GEN + мужчина/женщина (букв. женский человек), второй компонент может иметь определение, указывающее на сверхъестественность персонажа, например селькупское *lōsɨl'* (*lōsy* 'дух черт, дух'): селькупы *Mačɨl' qur* (Напас), *Mažɨɣol qur* (Чижапка) – лесной мужчина, *Mad'el nelgur* (Чижапка), *Massuj neiqum* (Кеть, Обь), *Mačɨn nejd*, *Mačɨl' lōsɨl' ima* (Тым); ханты и манси *Mis-χu*, *Wont-ku*, *Unχu*, *Wor-χum* – лесной мужчина, *Mis-nɜ*, *Wont-nɜ*, *Unnɜ*, *Wor-nɜ* – лесная женщина. В угорских названиях фигурируют различные первые компоненты: *Mis* – лес, *Wont* – тайга, *Wor* – лесистая береговая полоса реки, *Un* < *unal* – метка, знак [11].

Как видно из примеров, угорские именованья отражают детали ландшафта. Имя аналогичного кетского персонажа также двухкомпонентно: *Qajgu, s* (**qaj* 'гора', 'высокий берег реки' + **ku, s* 'дух' [5. С. 199–201; 12. С. 180; 13. С. 111; 14].

Общая черта фольклора трех народов – связь противоположных полов людей и духов, может фиксировать-

ся соответствующими лексемами, например в селькупском и обско-угорских языках используются родственные лексемы для обозначения женщины и мужчины: селькупы, ханты, манси *ne* – ‘женщина’, селькупы *qur*, ханты *χi* – ‘мужчина’. В кетском фольклоре имя персонажа может получить дополнительный компонент *a²m* ‘мать’: *Qajgusam*, < *qajgus* + *a²m* ‘кайгусь-мать’, позво-

ляющий определить род [14]. (Примеры предоставлены американским лингвистом-кетологом Эдвардом Вайдой, Западный Вашингтонский университет, Беллингхем.)

Мотивы, встречающиеся в фольклоре о магической охоте, представлены в таблице. Сравнение мотивов в фольклоре кетов, селькупов, хантов и манси позволяет сделать вывод о более полном представлении сюжета у кетов.

Мотив	Кеты	Селькупы	Ханты	Манси
Сопровождение лесного духа зверем-спутником необычной окраски	+ Пестрая белка, спереди завязки, на шее – лямка; пестрый соболь	+ Белка с золотой лентой; маленькая черная собачка	+ Соболь с желтым кольцом	–
Подготовка к встрече лесного духа: мужское ложе из пихтовых веток, женское – из еловых	+	+	–	–
Угощение лесной женщины мясом белки или соболя	+ Разделка тушки на три части: лесная женщина берет ребра	+ Разделка тушки на две части: лесная женщина берет заднюю часть	–	–
Испытание мужчины-охотника щекоткой	+	+	–	–
Другие испытания	+ Проявление терпения	+ Проявление терпения; обнаружение капканов	–	–
Конфликт с родней человека из-за молчания лесного духа	+ С отцом охотника	–	–	+ С первой женой охотника
Убийство охотника родней из-за охотничьего форта	+ Старшими братьями охотника	–	–	–
Бегство лесной женщины после убийства партнера-человека с последующим оживлением партнера	+	–	–	–
Наказание одного из персонажей за неисполнение традиций	+ Первая жена охотника погибла при бегстве с Кайгусь, так как брала с собой вещи: наперсток или шкурки; Кайгусь обманул своего отца и погиб	–	– Охотник обманул лесного человека, поэтому лесной человек не смог отпустить охотника домой пораньше; наказание охотника за упрямство	–
Присвоение общего ребенка лесным духом	–	+	+	+

Итак, магическая охота с лесными духами – это сибирская охотничья традиция, отраженная в фольклоре и основанная на желании охотников быть удачливыми посредством установления отношений взаимообмена со сверхъестественными существами. Сравнение фольклорного материала позволяет сделать выводы о возможном общем источнике описанного сюжета, возможно, какой-то автохтонной куль-

туры ареала, которая нашла отражение в единой сюжетной линии фольклора разных народов ареала. Специфические детали могли сформироваться в отдельных культурах уже позднее. Как демонстрирует наш сравнительный материал, разные науки могут удачно дополнять друг друга, способствуя более глубокому и системному пониманию рассматриваемых явлений языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pusztay J., Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische). Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Wiesbaden : Harrassowitz Vrelag, 1995. Bol. 43. 132 s.
2. Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / А.Ю. Фильченко, О.С. Потанина, Е.А. Крюкова, В.Ю. Глазунов, А.В. Байдак, Н.Л. Федотова, Н.П. Максимова, В.М. Гусев, В.М. Лемская, Д.М. Токмашев, Ант. А. Ким. Томск : Ветер, 2010. 336 с.
3. Ким А.А. Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск : ТГПУ, 2015. 168 с.
4. Вайда Э.Д., Ким-Малони А.А., Ким А.А. Лингвокультурная интерпретация метаморфозы в фольклоре народов обско-енисейского ареала // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 2. С. 55–64.
5. Мифология селькупов / ред. В.В. Напольских. Санкт-Петербург : Наука ; Новосибирск, 2004. 382 с.
6. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост. Н.В. Лукина. М. : Наука, 1990. 568 с.
7. Мифы, предания, сказки кетов / сост. Е.А. Алексеенко. М. : Вост. лит., 2001. 343 с.
8. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головнёв А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 315 с.
9. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1967. 258 с.

10. Hyun-key Kim Hogarth, Kut: Happiness through reciprocity. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1998. 264 с.
11. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск : Томский госпедуниверситет ; Изд-во НТЛ, 1996. 348 с.
12. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск : Томский госпедуниверситет ; Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
13. Khanty Mythology. Editors-in-Chief Anna Leena Siikala, Vladimir Napolskikh, Mihály Budapest: Hoppál. Akadémiai Kiadó; Helsinki : Finnish Literature Society, 2006. 241 с.
14. Vajda E., Werner H. Etymological Dictionary of the Yeniseian Languages. Munich : Lincom, 2016. (в печати)

Kim-Maloney Alexandra A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: alexandrakim@hotmail.com; *Kim Antonina A.* Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia); Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: kima@inbox.ru

MAGIC HUNT WITH THE FOREST SPIRITS ACCORDING TO SIBERIAN FOLKLORE DATA.

Keywords: interdisciplinary research; folklore; linguistics; ethnography; indigenous people of Siberia.

The article focuses on interdisciplinary study of one folklore plot among three indigenous peoples of Siberia: Selkup, Khanty and Ket. Some stories reflect beliefs in the magic hunt with forest spirits among most native peoples of Siberia. These stories differ from fairy tales because they were perceived as real events. Forest spirits also called “forest people” are imagined anthropomorphic creatures establishing a balance of reciprocity based on business and sexual relationship with hunters. It is possible to present information on forest spirits describing their appellation, appearance, and functions. According to the indigenous folklore, forest spirits or people are threefold creatures as they have anthropomorphic, zoomorphic and supernatural features. Anthropomorphic features reflect man-like or woman-like appearance, human behavior and activities. Zoomorphic features reflect a possibility to transform into an animal (squirrel, sable, moose, or deer) or to possess zoomorphic details like horns or fur. Supernatural features include the ability to transform; to disappear instantly if they see that they are being looked at; they can make all animals disappear; they can make a hunter to acquire or lose his/her hunting luck. The stories on the magic hunt romanced hunting activities by eliminating borders between sacred and profane. Forest male and female spirits acquired anthropomorphic features while serving as hunting and sexual partners to indigenous peoples of both sexes who persuaded their hunting luck (the Selkup term *kjine*). This luck could include a few different forms: abundant animals at hunter’s trail and easy and successful kill, or just picking game up; supernatural hunting skills and understanding animals’ behavior and language. The hunters acquire *kjine* in exchange for specific obligations that are reflected in behavioral patterns, taboo, and rituals: making offerings to the host of the forest; keeping hunting gear away from women; avoiding talking about hunting plans and transmitting hunting skills orally. Siberian hunting luck is based on the principle of reciprocity involving two groups of participants - hunters and supernatural creatures. Thus, the magic hunt with forest spirits is a Siberian hunting tradition reflected nowadays in folklore and based on a desire to be successful in hunting through a relationship of reciprocity with supernatural creatures. Commonalities in Selkup, Khanty and Ket folklore on the magic hunt lead to the conclusion that it originated from one and the same source.

REFERENCES

1. Puszta, J. (1995) Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische) [Discussion contributions to fundamental linguistic research (The Protourals)]. In: Veenker, W. & Röhrborn, K. (eds) *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica* [Publications of the Uralo-Altaica Society]. Volume 43. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
2. Filchenko, A.Yu., Potanina, O.S., Kryukova, E.A., Glazunov, V.Yu., Baydak, A.V., Fedotova, N.L., Maksimova, N.P., Gusev, V.M., Lemskaya, V.M., Tokmashev, D.M. & Kim, A.A. (2010) *Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated folklore texts of the Ob-Yenisei language area]. Tomsk: Veter.
3. Kim, A.A. (2015) *Klassifikatsiya khantyyskogo prozaicheskogo fol'klora* [Classification of the Khanty prosaic folklore]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
4. Vajda, E.D., Kim-Maloni, A.A. & Kim, A.A. (2016) Linguo-cultural interpretation of metamorphosis in the native folklore of Ob-Yenisei area. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2. pp. 55-64. (In Russian).
5. Napolskikh, V.V. (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Selkup Mythology]. St. Petersburg: Nauka.
6. Lukina, N.V. (1990) (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Khanty and Mansi myths, legends, fairy tales]. Moscow: Nauka.
7. Alekseenko, E.A. (ed.) *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, legends, fairy tales of the Kets]. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu., Golovnev, A.V., Baydak, A.V. & Maksimova, N.P. (2011) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Alekseenko, E.A. (1967) *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kets. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
10. Hyun-key Kim, H. (1998) *Kut: Happiness through reciprocity*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
11. Mogutaev, M.K. (1996) *Khantyysko-russkiy slovar' (vasyuganskiy dialekt)* [The Khanty-Russian Dictionary (Vasyugan dialect)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, NTL.
12. Kim, A.A. (1997) *Ocherki po sel'kupskoj kul'tovoy leksike* [Essays on the Selkup cult lexicon]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, NTL.
13. Siikala, A.L. & Napolskikh, V. (eds) (2006) *Khanty Mythology*. Budapest: Hoppál; Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society.
14. Vajda, E. & Werner, H. (2016) *Etymological Dictionary of the Yeniseian Languages*. Munich: Lincom. (in print).